

Легран Денизюль Юри

Рачня, коньки
и молоко с базара

Дениэль Легран Рачня, коньки и молоко с базара

<https://litres.ru/73008324>

SelfPub; 2026

ISBN 978-5-532-89058-9

Аннотация

"Рачня, коньки и молоко с базара" - книга о советском, счастливом детстве. А детство - это самая лучшая страна маленьких людей. И я это знаю. А самое лучшее место в этой стране -это бабулин "санаторий Ничегонеделания", где есть тайны, волшебство, яркое солнце и радужные мыльные пузыри! Где можно научиться ловить раков, кататься на коньках и устроить самый настоящий "штаб" на старом шифоньере, куда доступ старшей сестре воспрещён и где можно спрятать самые настоящие "сокровища".

Иллюстрации созданы с помощью нейросети "Шедеврум"

Содержание

Радио Маяк, веранда и лестница наверх	5
Молоко, манная каша и котята	12
Тополиный пух и мыльные пузыри	18
Рачня и моя хитрость	28
Хулиган и раки по пятьдесят	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Дениэль Легран Рачня, коньки и молоко с базара

**Радио Маяк, веранда
и лестница наверх**

Началось все с Маяка, с его позывных и «говорит Москва. Московское время шесть часов...». Открыл глаза и лежу, просыпаюсь. Смотрю в окно то одним, то другим глазом. Одним глазом вижу одно, другим другое. Весело! Мне шесть лет, и я подготовишка. Я умею читать и считать, но об этом я расскажу потом.

У бабушки очень интересные окна в квартире, выходят на веранду. Странные. Высоченные. Непонятные деревянные штуковины гармошкой, бабушка говорит, что это ставни, приделаны к раме. Я не понимаю зачем они нужны, а бабуля говорит, что это для того, чтобы в окна никто не заглядывал. Ну, кто будет заглядывать в окна, когда они выходят на нашу же веранду? Раньше, давным-давно в этом доме жили какие-то купцы и, чтобы никто не знал, сколько у них богатств, они закрывали эти ставни и считали свои деньги. Это так бабуля говорит, а я ей верю, ведь она все-таки давно родилась, может этих самых купцов она сама видела. А чтобы никто не смог открыть эти ставни, их сделали внутри, а не снаружи. И подоконники такие, что на них не только сидеть, но и лежать можно, подложив под голову подушку-думку. Лежу себе, про купцов думаю, а в окно солнце швыряет солнечных зайчиков, и они прыгают по ставням, столу и стенам. Пытаются заглянуть под одеяло и пощекотать нос моей сестре Наташке, вообразуле и задаваке, вредине и ябеде. Но не получается у зайчика, она накрывается с головой и сопит

дальше. Ее и пушкой не разбудишь, не то, что проснувшимся Маяком. Она заняла диван-тахту, потому что старшая и должна выбирать все самая первая, а мне досталась кровать с сеткой и огромной пуховой периной, жаркой и неудобной.

Высунув из-под одеяла ноги, наблюдаю, как мои короткие и пухлые пальцы щекочут и греют солнечные зайчики и думаю, чем же сегодня себя занять. Так получается, когда родители выдёргивают из детского сада и отправляют в бабушкин летний «санаторий ничегонеделания». Вот и приходится самому все придумывать. Пока в своей голове решаю, чем бы заняться, вижу, как со второго этажа по лестнице идут чьи-то ноги. Узнал. Ноги тетки Маршиды, капризной и вздорной татарки, как говорит бабушка, живущей в квартире со своим взрослым сыном Ринатиком, отвергающей всех его немногочисленных девушек. Веранда у нас тоже странная, как и окна, с большими, пыльными стёклами во всю стену от первого до второго этажа. Мама говорит, что они витражные, но, что это такое мне непонятно. Так раньше строили и ничего тут уж не поделаешь. У веранды два входа; один к нам, а другой, с широкими перилами, деревянной лестницей и толстыми столбиками красно-коричневого цвета, на второй этаж. Столбики тоже странно называются – балясины. Прямо дразнилка, а не название. Я теперь так Наташку называю, когда она на меня ябедничает.

У наших соседей сверху постоянно что-то падает, кричит и топают. Бабуля говорит, что тетя Маршида хочет, что-

бы ее Ринатик женился на татарке, но он приводит каждый раз знакомиться с мамой русских девушек. И каждая такая встреча заканчивается одинаково; девушка плачет и убегает, за ней следом по ступенькам «скатывается» маленький, толстый Ринатик, как Колобок из сказки, который всегда поет: «я от дедушки ушел, я от бабушки ушёл». А за ним летит крик тётки Маршиды, что, если он переступит порог, она умрет от сердечного приступа. Ринатик печально, как моя старая знакомая – собака Найда, когда у нее забирают кутят, смотрит, как убегает девушка и, свесив голову, как будто его наказали или не дали мороженого, медленно поднимается по лестнице домой, где его мама жарит его любимые кайнары. А потом, громко топая по лестнице, тётка Маршида приносит нам полную тарелку угощения и долго шепчется о чем-то с бабулей; то смеётся, то почему-то плачет. А бабушка ей говорит, что она глупая и не хочет счастья своему сыну. Ноги тетки Маршиды протопали вниз, открылась дверь, звякнув стеклами, на крыльцо. Убежала на базар за молоком, наверное. Она каждое утро жарит для сына баурсаки и угощает потом нас с Наташкой, а мы отказываемся, потому что они без начинки. Это вам не бабушкины пирожки с мясом и капустой или сухофруктами. Тетка Маршида обиженно поджимает губы, поднимается вверх и целых два часа что-то громко бубнит у себя в квартире.

Бабуля говорит, что наш дом особенный. Наполовину каменный, а на вторую половину – деревянный. Может поэто-

му у наших соседей разные звуки, стуки, ссоры и праздники слышны. Пока обо всем этом думаю, прямо извожился весь. Очень уж у меня неудобная перина. Зимой, конечно, на ней тепло, но вот когда на дворе лето и страшная жарища, то перина – настоящий враг. Моя бабушка считает, что дети не должны переохладиться, поэтому кутает нас с сестрой в теплые одеяла. Сестре ничего, она мерзлячка, а я, укутанный бабушкиной заботой, всегда весь в испарине. Пока возился пару раз задел коленкой стенку, она тонкая; ею когда-то разделили полученную бабушкой жилплощадь на кухню и комнату. С той стороны от удара задребезжал навесной шкаф с посудой и стеклянными створками, разбудив бабулю.

– Чего не спишь? – проснулась бабуля. – Спи, рано еще. Наташка спит, а ты чего колобродишься?

– Так Маяк уже пропищал. – ответил я, сбросил с себя одеяло, сев на кровати, и подставил лицо солнечным лучам. Странное ощущение, когда солнце греет сквозь закрытые веки. Сразу становится все красное и горячее, глаза открываешь – яркое и желтое. Весело. Смешно морщится нос и от счастливого детского настроения подпрыгиваешь на кроватиной сетке, которая издает жалобный железный скрип.

– Да будет от тебя покой или нет? – возмутилась бабушка. – Не хочешь спать, бери на веранде бидончик и ступай на Татар-базар за молоком. Поторопишься, успеешь купить, а я манную кашу на молочке сварю на завтрак. – она широко зевнула и достала из-под подушки маленький гаманочек-ко-

шелечек, выковыряла из него пальцем рубль и шестнадцать копеек. Я же, пока бабушка ворочала тучным телом, успел натянуть шорты, рубашку, застегнуть все пуговицы, сполоснуть лицо под краном на кухне и с готовностью юного октябрёнка и тимуровца протянул сложенную ковшиком ладошку, куда бабуля сунула мне деньги.

– Деньги положи в карман. Котят на базаре молоком не пои! – привстала она на локте. Но я уже выскочил за дверь на веранду, скатился кубарем с крыльца, прогрохотав бидончиком по перилам, припустил к деревянным, большущим, покосившимся от времени воротам и выскочил на простор тенистой улицы. Размахивая бидончиком, засеменял трусцой к Бэровскому мосту через канаву, так и не услышав наставлений моей драгоценной бабули.

Моя бабуля, Лидия Васильевна Кривошапова, прощала мне огромное количество шалостей, чего не скажешь о моей сестре. Наташка, вредина и ябеда, о них все время обещала рассказать маме и папе, получая от меня не только то, что хотела, но и тычки. Из-за чего раздражалась война и бабуле ничего не оставалось, как прекращать ссоры и драки, закрывать нас друг от друга своим большим телом, разведя в разные стороны. Да, у нас с Наташкой какой-то необъяснимый дух соперничества. Мама говорит, что это из-за того, что мы погодки и не можем решить, кто из нас главней. Папа, что мы вполне себе разные по характеру. А бабушка и дедушка из Грозного считают, что Наташка принцесса, а я разбой-

ник, вот и не ладим. Но это все мелочи, когда макушку печет утреннее солнце, под ногами горячий, пахучий асфальт, а над головой шелестят листвой деревья, на которых скоро созреет вкуснейший тутовник. Я мчу за молоком и радуюсь тому, что бабуля сварит на завтрак свою самую вкусную манную кашу, которую я очень люблю.

Молоко, манная каша и котята

Я бегу на базар, раннее солнышко щиплет кудрявую

макушку, а дворники недоверчиво поглядывают на меня. Странно... будто бы они никогда не были детьми. Никогда не гоняли банку из-под консервов вместо мяча. И я делаю вид, что мне все равно на них и на их мусор. Постояв немного и глубоко вдохнув вкусный воздух раннего утра, я, счастливо улыбнувшись, вприпрыжку скачу дальше мимо сердитого дворника, во взгляде которого читается: «Только сделай шаг к кучке – уши оторву», на базар за самым вкусным молоком на свете. Да, у меня сейчас одна забота; купить молока, отстояв огромную очередь, попятиться на здоровущую жёлтую бочку, откуда толстой упругой струей в большущий жбан льётся молоко, взбивая пушистую пену, и напоить теплым, вкусно-пахнущим молоком кругленьких, сытых, уличных котят. Очередь длинной змеёй втягивает меня внутрь. Стараюсь казаться незаметным и прячусь за широким дядькой, что стоит впереди меня, но продавщица, которая разливает молоко по бидонам, меня замечает и тут же кричит: «Люська, смотри опять пришел! Налей-ка ему кружку молока, а то он заснёт сейчас!» Почему я должен заснуть, я не знаю, но молоко выпиваю с удовольствием, а молочница, попахивая, как соседка Нюська, когда трясётся, каждый раз подмигивает и говорит: «Ну, симпатяга, девки в очередь еще не стоят?» Наливает молока в бидончик до краев, ласково треплет за кудри и даёт нежный щелбан по моему большому лбу. И я, не понарошку, а по-настоящему, влюблен в эту красивую, немного пьяную женщину.

На обратном пути я все-таки кормлю маленьких котят, наливая из бидончика в пустые консервные банки молоко.

– Пейте, пейте, глупенькие, – шепчу я, прижав подбородок к коленкам, – у меня больше ничего нет. – котята, гля-

дя на меня сонными, сытыми глазами, лениво отползают в густую тень и, развалясь на травке, тихо мурлыча, щурят таинственные желто-зелёные глаза. — Не хотите, как хотите. — я встаю с корточек и, подхватив пузатый бидончик, тороплюсь домой.

— Опять котятам молоко сливал? — возмутилась бабушка, шлёпнув меня полотенцем. Она очень большая и успевает шлепнуть меня только один раз. Пока баба Лида разворачивается, чтобы пустить полотенце в ход во второй раз, я успеваю убежать на веранду, а оттуда во двор.

— Далеко не убегай, каша почти сварилась. На завтрак дважды звать не буду! — выглянув в окно, кричит она мне и грозит пальцем. А рядом с ней стоит со спутанными волосами Наташка и широко зевает. Только что проснулась. Всегда она так, на все готовое. Хоть бы раз собралась и сходила за молоком сама. Нет же, скорей рак на горе свистнет, чем Наташка это сделает. Однажды я сильно разозлился на нее и вместо молока принес воду, а было это так...

Мы проспали. Бабушка разбудила меня тогда, когда Маяк уже отпел, и шла «Пионерская зорька». Сунув мне в руки деньги и бидончик, она выпроводила меня за дверь. Конечно же, молоко все закончилось, и я не получил свою кружку утреннего, дармового молока. А про то, чтобы принести домой полный бидончик и разговору не было.

— Опоздал. Молоко закончилось, а твой ежедневный молочный рацион Люська выхлебала. — продавщица с сожалением

нием смотрела на меня, – завтра приходи.

– Там же в бочке немного осталось, – подала было голос из-за стенки Люська. – Плесни ему.

– Не могу. Заведующая рынком просила для калмыцкого чая на обед. Сейчас понесу. А ты приходи завтра. Чего опоздал-то?

– Я проспал, и бабушка тоже проспала, не разбудила.

Стало обидно до слез! Расстроился я ужасно. Шел и плакал, потому что не смог налить котяткам молока. А они меня ждали! А, тут еще подумал о своей сестре, которая спала и не знала о том, что молоко кончилось, что котята остались голодными.

Шел и возмущался, что она ни разу не встала и не сходила за молоком для утренней каши.

Хотя, если честно, могла бы кашу и без молока поесть, но ей, видите ли, не нравится каша на воде. Ну и ходила бы тогда сама! И вот тут у меня созрел план мести! Я зашёл в соседний двор и в колонке набрал воды в бидончик. Не видно же, что в нем, молоко или вода. Шел и весело смеялся над тем, какую кашу будет есть моя сестра Наташка. Пришел, поставил бидончик на стол, а деньги бабушке отдал.

– Деньги откуда? – ничего не поняла бабуля.

– Ты же сама мне их дала. – удивился я ее непонятливости.

– Так ты молоко не купил?

– Нет, мне просто так дали. Остатки же...

– Наташенька, пойди молоко в кастрюлю вылей да на газ

поставь. Наташка встала, прошла на кухню, а дом-то купеческий, кухня – кусок общего коридора, перегороденного, без окон. В потёмках вылила воду из бидончика в кастрюлю и назад спать. Я тоже калачиком свернулся на кровати, жду, что будет дальше. Дождлся! Бабушка, кряхтя, слезла с кровати и прошаркала на кухню. Включила свет и...

– Наташка, где молоко-то? Ты чего в кастрюлю воды налила?

– Какой еще воды? – сонно пробормотала моя сестра. – Там молоко было!

– Иди, глянь, что за молоко.

Дальше, как в немом кино, а еще позже, как в ускоренном кино. Получил, конечно, по пятой точке. Потом смеялись до слез. Бабушка гладила меня по голове, а я ел кашу на воде и был безмерно счастлив на залитой солнцем веранде, где на окне висела, пахнувшая хозяйственным мылом тюлевая занавеска. Ох, уж эта веранда! Она не давала мне покоя ни днем, ни ночью. Именно там, под лестницей стояли хромые и старинные сундук и комод с изогнутыми, медными ручками. Я был просто уверен, что в них хранился самый, что ни на есть, настоящий клад, о котором знала только моя любимая бабуля и никто больше. Но об этом потом, на дворе стояло жаркое лето, а по двору, как летний, легкий снежок летел тополиный пух.

Тополиный пух и мыльные пузыри

Как же здорово жить в старинном, деревянном доме с ве-

рандами, высокими крыльцами и высоченным тополем во дворе. Летом лучше таких тополей-великанов ничего нет. Поднимаешь вверх голову, а верхушка высоко-высоко. И сразу же представляешь, что это огромный Илья Муромец спрятался в ветки и листья, замаскировался, как говорит Ромка, и ждёт, когда враги нападут на нашу родину, а потом как выскочит, как выпрыгнет, пойдут клочки по закоулочкам. И от врагов одно мокрое место останется на земле. Или представить, что это большая-пребольшая ракета прямо до неба. Ещё немного и она, как стартанёт! Вот такой же тополь рос и в нашем дворе. Ствол широченный и за ним могли спрятаться пять или шесть салажат, вроде меня, когда играли в прятки. И от него, такого большого, тень почти на весь наш двор. Но все равно им были недовольны все взрослые дома. Пух от тополя летел сплошной стеной и забивался не только в щели, углы и коридоры, но и во все носы. Что тут начиналось.

– Куда смотрит управдом? – кричат одни, торопливо перескакивая кучки пуха, мчась на работу. – Ни стыда, ни совести. У самих, наверное, этих чудовищ во дворах нет.

– Сколько же нам терпеть ещё? Куда только не писали! – это тетка Маршида со второго этажа, свесившись, мечет гром и молнии.

– Да, спилить самим и дело с концом! – пыхтит сосед Калмыков, папа Ромки. Он каждое утро выгуливает свой живот с тарелкой, на которой дымит яичница с колбасой. Это он

так завтракает, прогуливаясь по двору. И не лень ему спуститься со второго этажа?

– Не имеете права! – картавила баба Маня, наша соседка через стенку, старая еврейка.

И так каждый день, пока тополь не отцветёт и не станет порядочным деревом. Мама говорит, что это дерево-девочка, поэтому и летит пух. И не пух это вовсе, а мягкое одеяльце, в котором спрятано семечко. Упадет такое семечко на землю, прибьёт его дождиком и народится новое деревце. А пока дождей нет, пух летит и летит подгоняемый ветром. Бабушка тоже ругается на то, что я на сандалиях и на одежде притаскиваю пух домой, поэтому разрешает сойти с крыльца только тогда, когда дворник из управдома уберет все это пуховое безобразие, но я и не расстраиваюсь. Знаете почему, потому что тополиный пух – это время мыльных пузырей.

– Что же нам от этого всего помирать? – выдернув меня из моих мыслей, чихая и расчёсывая, и без того красный нос, верещала Нюська, как говорит бабуля, тётка без возраста, но с отпечатком на лице пагубной привычки. Она торопилась, пробегая мимо с авоськой пустых бутылок.

– Нюська, погоди, – останавливает ее баба Маня, – ты куда?

– Тару сдать.

– И новую взять, наполненную, гы-гы-гы. – трясет от смеха животом папа Ромки. Нюська странно оглядывает его покрасневшими глазами, шмыгает носом и на нетвердых ногах

поднимается к нам на крыльцо.

– Чего хотела-то? – я вдруг вижу, как у Нюськи дрожит ее тощее тело и трясутся руки, от чего мне становится прямо нехорошо. Я вдруг чувствую, как и у меня тоже начинает дрожать все тело.

– Нюська, на обратной дороге батончик мне прихвати. – картавит баба Маня и сует ей мелочь в руку.

– Баб Мань, мне бы подлечиться. Есть у тебя что-нибудь? Баба Маня осуждающе качает головой и скрывается за дверью своей квартиры, а Нюська подмигивает мне, щелкает пальцем себе по горлу и качает головой.

– А у меня новые шорты, – вдруг ни с того, ни с сего говорю я. – Бабушка сшила вчера.

– Красивые, – трясется Нюська, и в моем теле усиливается дрожь. Тут дверь открывается, баба Маня, шаркая, выходит на крыльцо и сует ей стакан с водой. Та лихо запрокидывает голову, одним глотком осушает его содержимое и шумно выдыхает, зажмурив от удовольствия глаза. Мне в нос ударяет противный запах.

– Что, Нюська, позавтракала? – поднимается на свое крыльцо папа Ромки и, помогая своим рукам животом, открывает дверь.

– Твоими молитвами, – сразу повеселев, усмехается Нюська, и вдруг я замечаю, что она больше не трясется. – Что, баб Мань, батончик молочный или городских булочек?

– Что будет, то и возьми. – вытряхивает баба Маня из ста-

кана остатки жидкости. Нюська, счастливо кивнув головой, уверенно спустилась с крыльца, куда тряска делась, и устремилась к воротам.

– Баба Маня, а что это она выпила такое вонючее?

– Да водка это, водка. Гиблое дело. Вырастешь – не пей. Ой, вей! – баба Маня, качая головой, развернула свое сгорбленные тело и скрылась за дверью. Я опрометью кинулся домой, забежал на кухню и крепко обнял бабулю, трясясь всем телом.

– Чего ты, чего? – испугалась бабушка, бросив в страхе ложку-большуху. Варившийся на плите в большой кастрюле борщ, моментально забыт, она отрывает меня от себя.

– Я ее никогда пить не буду, – поклялся я.

– Кого ее-то? – всплеснула пухлыми руками бабуля.

– Водку! – открыл я глаза и шумно выдохнул.

– Тьфу-ты! – плюнула она в сердцах и, схватив брошенную ложку-большуху, яростно перемешала в кастрюле борщ. – Напугал. Где про водку слышал и чего трясясь?

– Так баба Маня позвала к нам на крыльцо Нюську, – плюхнулся я на стул и, болтая ногами, принялся рассказывать о моей встрече с соседями. – Она еле-еле поднялась на крыльцо. Вся трясется. И меня стало трясти.

– Манька-то зачем ее позвала? – подула бабуля на капельку борща в ложку и шумно втянула в рот, причмокивая. – Так, соли достаточно... чего, говорю, она ее позвала?

– Деньги дала на батон. А Нюська, говорит, что заболела,

ну, баба Маня и вынесла ей что-то вонючее в стакане.

– Подлечила, значит. – вытерла губы полотенцем бабуля.

– Ага, а потом мне и говорит, что это водка. Гиблое дело. Вырастешь-не пей. Ой, вей. – повторил я слова бабы Мани, картавя и скрипя голосом, как она. От чего бабуля, поперхнувшись, уставилась на меня, удивлённо распахнув свои глаза.

– Похоже, – прыснула она, откашлялась и погрозила мне почему-то пальцем. Потом с трудом приподнялась со стула, выключила газ, накрыв кастрюлю с борщом крышкой, и сунула мне в руки банку с мутной жидкостью и трубочкой из бумаги.

– Наташка! – заорал, я, как заполошный, отчего бабуля аж подпрыгнула, не успев сесть на стул. Ложка-большуха выскочила из руки, как живая.

– Чего орёшь? – схватившись за большую грудь с левой стороны, бабушка задышала, широко разевая рот, как рыба, вытащенная из воды. – Напугал, аж сердце захолонулось.

– Да я... Наташку хотел позвать пузыри дуть, – отскочил я к двери.

– Вот я тебе дам, – трясла бабуля кухонным полотенцем, а в глазах прыгали смешливые искорки. – Шуруй давай. Наташка поможет мне и придет.

Ура! Мыльные пузыри! Бабушка на них не тратила туалетное мыло, а тёрла на тёрке большой кусок хозяйственного мыла, заливала водой и настаивала, чтобы мыло разбухло,

с вечера. Конечно же, мне хотелось иметь мыльные пузыри, купленные в магазине. Такими обычно хвастаются Шелковниковы, Светка и Серёжка, брат и сестра, но магазинных пузырей надолго не хватает, поэтому они с завистью смотрят на мою пол-литровую стеклянную банку. А я не жадный, отливаю им немного и наш двор заполняет прозрачное, радужное облако. Облако сначала летит по двору, а потом медленно опускается на мягкий ковер тополиного пуха и взрывается разноцветными брызгами, прибивая пух к земле. Красиво!

Получив из бабушкиных рук мыльное сокровище, отправляюсь на крыльцо. Жмурюсь от ярких солнечных лучей, осторожно окунаю трубочку в банку и так же осторожно, чтобы не лопнул, начинаю выдувать первый мыльный пузырь. Он, наполняясь воздухом, смешно колыхается радужными боками, лениво отрывается от трубочки и плавно летит через весь наш двор. Пролетая мимо тополя, пузырь заинтересовал воробья. Тот спорхнул с ветки и ткнул пузырь клювом. Разлетевшиеся в разные стороны мыльные капли обрызгали вредителя и тот, недовольно чвиркнув, обиженно улетел прочь.

– Так тебе и надо, – ткнул я в сторону улетевшей птицы своей бумажной трубочкой. – Не будешь сбивать мои пузыри своим клювом, фашист.

За спиной закрипела дверь и на крыльцо медленно, чтобы не разлить такую же банку, выплыла моя сестрица и, отодвинув меня плечом, встала рядом.

– Бабушка велела сказать, чтобы ты сбегал за хлебом. – заносчиво вздёрнула она нос и выдула из трубочки такой же, как она, капризный мыльный пузырь. Маленький, с пенной капелькой внизу, он взлетел невысоко и шлёпнулся рядом с крыльцом. – Иди, чего стоишь! – Наташка сложила губы уточкой и снова окунула трубочку в банку с мыльной водой.

– А ты чего не идёшь за хлебом? – вдруг обиделся я. – Я вчера ходил.

– У нас с бабушкой сегодня генеральная уборка. – взмахнула Наташка косичками. – Я полы буду мыть. Так что давай, иди за хлебом, пока я бабушке не пожаловалась на тебя.

– Было бы с чего ябедничать. – проследил я за вторым хилым мыльным пузырем.

– Я видела, как ты конфету из вазочки стянул, – поджала она губы и сощурила свои хитрые глаза.

– Да не брал я конфету!

– Брал, брал! Я фантик у тебя под подушкой нашла. – Наташка показала мне язык и снова выдула мыльный пузырь.

– У, ябеда! – медленно, с растяжкой проговорил я и тоже показал ей язык. Проводив тоскливо ее мыльный пузырь глазами, открыл дверь на веранду. Мыльно-пузырчатое настроение куда-то улетучилось, и я понуро поплёлся на площадь Ленина в булочную, яростно размахивая авоськой и гремя мелочью в кармане. Я шагал по тротуару, мельком заглядывая в соседние дворы и дворики, где счастливые соседские ребята хлопали ладошками в огромном радужном море

мыльных пузырей. А мимо меня летел тополиный пух, иногда принося с собой одинокие, отбившиеся от стаи, мыльные пузыри. Я шел и думал о том, что, если бы бабуля знала про мыльные пузыри и тополиный пух, которые не могут существовать друг без друга, то вряд ли отправила меня за хлебом. Нет, конечно, я бы даже не сопротивлялся, если бы хлеб и бабушка подождали меня до обеда, ведь в это время дуть мыльные пузыри уже ни к чему, потому что тополиный пух дворники сгребают в кучи и уносят в больших мусорных мешках из-под сахара. Пузыри, падающие просто на землю, ничего не значат, потому что лопаются сразу мокрой кляксой, а те, что мягко приземляются на пух какое-то время остаются целыми, радужными, прозрачными мячиками и только потом становятся яркими брызгами. Эх, видела бы это бабуля, то знала бы, как мне это важно, но у нее есть вредная каприза, которой на крыльце вместе со мной тесно. Поэтому я шагаю за хлебом, размахивая авоськой, а Наташка дует мыльные пузыри. По дороге мне встретилась Нюська с батонem для бабы Мани. Она больше не тряслась, но качалась из стороны в сторону, спотыкаясь и шлёпая старыми, рваными тапочками по темным от загара пяткам и улыбалась во весь свой беззубый рот. Пытаясь удержать равновесие, она топырила руки в стороны, от чего батон в авоське смешно болтался и, когда Нюська оказывалась в опасной близости от деревьев, весело бился о стволы, осыпаясь хрустящей крошкой. Наглядевшись на Нюську, начал сам ка-

чатся из стороны в сторону, словно это заразно, но увидев очередной мыльный пузырь, вылетевший неизвестно откуда, забыл и про Ньюску, и про бабманин батон, громко стучавший о деревья, и про испорченное настроение. Наблюдал. Пузырь поднялся над верхушками деревьев, заискрился и исчез в небесной дали. А в след за ним потянулась тоненькая ниточка тополиного пуха.

– Пока, пока, – кричу я им вслед и машу авоськой, понимая, что вот так же неотвратимо улетает от меня утро и приближается булочная. Но горюю я недолго, ведь пока летит тополиный пух будут ещё и мыльные пузыри!

Рачня и моя хитрость

Ромка в своем сарае вместе с пацанами из соседнего двора

делает рачню. Наташка, Сусанка и Светка Шелковникова с братом Серёжкой напряженно наблюдают, как из простого обода от бочки и москитной сетки получается замечательная раколовка.

– Мне папа подарил ещё и перочинный нож, – хвастается Ромка, улыбаясь и показывая обломанный передний зуб. – Я теперь им могу все строгать.

– А верёвку он перережет? – крутит косичку Светка и хлопает глазами.

– Ещё как! – Ромка складывает верёвку петлей, просовывает ножик и резко дёргает. Веревка разрезана под крики "Ура!", «Зыканско» и "Клёво".

– Ловко ты ее, – цвыркает слюной сквозь зубы круглолицый, с узкими глазами мальчишка в тюбетейке, понимающе качает головой и трогает пальцем лезвие ножичка. – Острый.

– Я его вчера весь вечер точил, – гордо отвечает Ромка и косится на Наташку и Сусанку. Моя сестра и ее подружка хихикают и перешёптываются, от чего щеки Ромки вдруг покрываются румянцем, и он с трудом привязывает разрезанную верёвку к обручу с четырех сторон. – Все. Готова. Осталось только привязать вот сюда длинную верёвку, чтобы спускать с моста в канаву. Пойдёмте, нечего тут рассусоливать. – сграбастав и рачню, и верёвку, Ромка, широко шагая, направился напрямик к воротам. Мальчишки, засунув руки в карманы шорт, не отставали от него, а девчонки семенили поодаль. Я кинулся вслед за ними и тут же получил щелбан

от мальчишки с соседнего двора.

— Куда, мелюзга. Салагам с нами не по пути. Подрости сначала. — он поправил на голове тубетейку и подмигнул. Наташка и Сусанка противно захихикали, а мальчишка, сощурив и без того узкие глаза, плюнул под ноги и поспешил за Ромкой, который уже дошел до моста. Девчонки, прыснув в плотно прижатые ко рту ладошки, перешли через дорогу, спустились вниз к канаве и уселись на каменный парапет, украдкой поглядывая в сторону моста, где Ромка старательно опускал рачню с моста в воду, щурясь от солнечных лучей. Я тоже перебежал дорогу и спрятался за тутовником. Было очень обидно, что меня не взяли.

— Ну, ничего-ничего, — шептал я себе. — Вот я завтра вам всем покажу, какой я мелюзга. Ещё упрашивать будете, чтобы я вас с собой взял. Посмотрим-посмотрим...

Вернувшись во двор, маялся от обиды и лени, и когда пнул очередной обломок кирпича в стенку деревянного туалета в конце двора, меня осенило. У бабушки тоже был сарай и в нем, наверняка, можно было найти все для рачни. Я забежал в дом и прямо от порога начал наступление. А как иначе?

— Бабуля, ты раков хочешь? — бью я самым главным вопросом ей в лоб.

— Не отказалась бы, — оторопела бабушка. — Кто-то принес и продает во дворе?

— Нет, — пожимаю я плечами. Бабуля отрывается от штопки носок, настороженно за мной наблюдает, а я продолжаю.

– А у тебя же есть во дворе сарай?

– Есть. – она все ещё не понимает к чему я клоню. Ох, уж эти взрослые. Нет, чтобы сказать: «Бери все в свои руки и делай рачню. Вот тебе ключи от сарая». Все им приходится разжёвывать. – Тебе зачем?

– Просто так спросил. А где он стоит? Ну, какой по счету? – делаю вид, что мне это вообще не интересно. Бабушка насторожилась ещё больше и отложила носок в сторону.

– Четвертый от угла. Что надумал? – бабушка надела очки и очень внимательно на меня посмотрела.

– Ничего, – захолопал я наивно глазами. – Просто у всех есть сараи, а у тебя, что, нет? Вот и спрашиваю. Ромка говорит, что мы бессарайные, – придумываю я на ходу. – И что у них самый лучший сарай. Но у тебя-то самый-самый лучший, – обнимаю я бабулю и напряжённо жду, что она ответит.

– Лучший у них, как же! – бабуля гладит меня по голове и что-то выковыривает из-под подушки. – В прошлом году из-за их самогона чуть все сараи не погорели. Лучший! Обрыбятса они! На вот, – она, наконец, достала из-под подушки гаманок, высыпала из него мелочь и пару монеток положила мне в ладошку. – Поди, купи себе мороженное. На Ленина оно вкуснее... и нам с Наташкой тоже прикупи.

– Наташке покупать не буду. – надул я губы. – Эта вредина пускай себе сама покупает.

– Ладно, ладно, – полезла бабуля снова в кошелек. – и ба-

тон возьми. А вернёшься, кое-что тебе дам, так что не рас-
сусливай.

Ох, уж это бабушкино «ещё кое-что тебе дам» сработало, как ускоритель. Зажав деньги в ладошку, мчался не разбирая дороги. Авоська в другой руке напоминала пропеллер. На обратной дороге обронил свое мороженное, испачкав в земле белоснежный бок. Откусил землю и плюнул рядом с тощим котёнком под забором. Тому объяснять ничего было не надо. Моментально белоснежное лакомство пропало в маленькой, розовой пасти. Когда добежал до дома, в руках от мороженного остался кафельный стаканчик.

– До дома не утерпел, – качнула головой бабушка и всплеснула руками. – А руки-то, руки! Хочешь, чтобы глисты завелись? Мой руки и иди в комнату.

Я одним махом скинул сандалии с ног, сунул руки под кран, взбив серую, мыльную пену и наскоро вытерев их полотенцем, метнулся в комнату, где бабушка, с гордым видом, держала двумя пальцами за верёвочку ржавый ключик размером с мой мизинец. Одно мгновение и толстенький, с бородкой, ключ лег мне в ладошку. Вот ведь как бывает, когда очень чего-то хочется, не всегда сбывается, а стоит про желание забыть, как оно тут же сбывается.

– Только в сарай пойдешь завтра. – направила на меня пухлый палец бабуля. – Сейчас будем обедать. Иди зови Наташку, да так, чтобы одна нога там-другая здесь.

Я согласно кивнул и, стаптывая задники сандалий, ох и

попадет же от мамы, бросился кубарем с веранды. Сбежав по лестнице, перепрыгивая через ступеньку, сначала кинулся к сараям. Отсчитал четвертый от угла сарай и вставил в небольшой навесной замок ключик. Раздался щелчок, замок откинулся и повис в уключине. Торопливо сняв замок, открыл дверь сарая. Чего только там не было; и несколько ободов от бочек, и какие-то доски, и жестяные банки с гвоздями, и старое ведро. На стене висела пила, старые ножницы, а на старом, колченогом столе лежали топор, молоток и вязка старой, сухой воблы. Быстро оглянувшись на ворота, закрыл дверь на замок, сунул ключ в карман и опрометью бросился на улицу за Наташкой. Она с подружкой Сусанкой все так же сидели на парапете и делали вид, что мальчишки на мосту их не интересуют.

– Наташка, – заорал я, что было сил, перемахнув проезжую дорогу. – Иди домой, бабушка зовёт обедать.

На мой крик обернулись не только девчонки, но и Ромка с друзьями. Увидев, что Наташка и Сусанка стали подниматься по газону к дороге, мальчишки стали сматывать рачню.

– Вечером выйдете гулять? – заорал с моста Ромка, но ветер, трепавший в этот день листву на деревьях и поднимавший небольшую волну на канале, отнес его крик и до нас долетели только обрывки фраз. Девчонки снова захихикали по-дурацки и показали мальчишкам языки. Те в ответ погрозили кулаками и, широко размахивая руками, отправились в сторону Татар-Базара.

Пока я гонялся в магазин, к сараю и за Наташкой, бабушка успела пожарить горку вкуснейших кайнаров и нарезать к обеду целый тазик салата из огурцов и помидоров, заправив его пахучим, подсолнечным маслом. Налегая на суп с кайнарами и закусывая салатом, я, не переставая, думал о сарае, но как туда сегодня еще попасть? Если я пойду по-честному, то бабуля вряд ли отпустит, еще и ключ отберёт! Если тайком, то Наташка обязательно наябедничает. Оставалось только одно, попасть туда хитростью.

– Ой-ой-ой, – скрючился я за столом, схватившись за живот.

– Ты чего? – испугалась бабуля. – Где болит?

– Вот тут. Я в туалет! – тычу я себя в живот и, выбравшись из-за стола, изображаю, как мне нужно в интересное место уединиться.

– Да из-за чего? – всплеснула бабушка руками и зачем-то понюхала суп и салат. – Все свежее...

– А не надо трескать зелёный тутник. Я ему сколько раз говорила. – тут же наябедничала Наташка.

– Ромке своему говори, – огрызнулся я и выскочил за дверь.

Ура! Свобода! Наташка с бабушкой обедать будут долго, так что, всё успею сделать. Но не тут-то было. Сделать своими руками рачню оказалось очень трудно. Кое-как отрезал ржавыми ножницами кусок москитной сетки, обсыпав себя многолетней пылью, обрезал углы и приложил ее на ржавый

обод от бочки. Кусок сетки оказался большим и пришлось ещё немного с ним повозиться, пока размер обруча и самой сетки не совпал. Сетку прикрутил к обручу алюминиевой проволокой; получилось неплохо. А к сетке примотал старую, покрытую белой коркой соли воблу, разбив ее на куски молотком. Осталось найти верёвку, но как я не старался, верёвки в сарае не было и тут я вспомнил, что под лестницей на веранде, рядом со старым комодом видел смотанную старую верёвку. Ее надо было, во чтобы то ни стало, достать. И достать так, чтобы бабуля и уж тем более Наташка не узнали и не услышали. Прикрыв дверь в сарай, я пулей пересёк двор и взлетел на крыльцо. Дверь на веранду предательски скрипнула! Я замер испуганно, но никто из кухни даже не выглянул, и я на цыпочках прокрался к старому бабушкиному комоду, втиснулся в проем между ним и лестницей. Вот она веревка! Лежит, меня дожидается, и только я собрался выбраться наружу, как распахнулась дверь и на веранду вышла бабуля. Подойдя ближе к столу-тумбе, посмотрела в окно. Из окна прекрасно виден туалет и все прилегающее к нему, то есть сарай, а я дверь не закрыл.

– Наташка, – обернулась бабушка, – ты бы сходила, проверила, что там с Данькой. Может, он провалился?

– Да ничего он не провалился. Сидит, наверное, и мечтает. – ответила моя сестрица. Прямо так и увидел ее поджатые губы, когда она это говорила. Бабушка, охая и переваливаясь всем своим большим телом, вернулась в квартиру, за-

крыв дверь, откуда приглушённо донеслась до меня капризное Наташкино «сейчас схожу», выбрался из-под лестницы и на цыпочках прокрался до лестницы и был таков. Бросив верёвку в сарай, быстро запер дверь, метнулся к дворовому туалету и притих, высматривая сестрицу через щель в досках. Едва она оказалась в поле зрения, я широко распахнул щелястую дверь туалета и гордо сошел на землю, словно это был не туалет, а трон.

– Как тутовничек? – съязвила она, когда я прошел мимо нее.

– Нормально, – подтянул я шорты и громко так, на весь двор прокричал. – Туалет свободен, можешь пользоваться!

– Дурак! – покрутила Наташка у виска и развернувшись на цыпочках, побежала назад к нашему крыльцу. Я пожал плечами, засунул руки в кармашки шорт и оглянулся на бабушкин сарай. Он под надёжной охраной, закрыт на самый крепкий замок на свете и Наташке туда свой нос никогда не засунуть. От этой мысли я вприпрыжку проскакал через весь двор и взлетел на веранду, размахивая во все стороны руками.

– Это где же это ты так вымазался? – растерялась бабуля.

– В туалете, – не моргнув, соврал я.

– А руки-то, руки, – качает она головой. – Вымой и за стол. Борщ уже ледяной коркой покрылся и футболку сними. Да, не над столом, на веранде. Обтирался ты там, что ли? – бабушка втянула носом воздух, пытаясь уловить характерный

запах общественного туалета. — Дворнику надо сказать, чтобы привел его в порядок, а то нормальным людям и войти туда нельзя.

После обеда бабуля нагрела на плите целую кастрюлю-выварку воды и купала меня, охая и ахая, в корыте под хихиканье Наташки. А вечером я вышел погулять только на крыльцо под бдительным оком моей бабули. Все играли в прятки, «уток и охотников», а я стоял на крыльце чистый, намытый и очень им завидовал. Огонь в мою зависть подливала сестра Наташка, показывая мне язык, когда пробежала вприпрыжку мимо крыльца. В такт ее прыжкам прыгали ее косички, а я давал себе обещание, что обязательно их дерну, чтобы не задавалась. Я терпеливо ждал завтрашнего утра. Ведь завтра я впервые пойду сам на мост ловить раков в канаве. От того, что я все время думал о раках, мне и сон приснился про них. Раки были больше меня. Они меня пытались поймать, щёлкая клешнями, а я со всех ног от них удирал, но ноги меня не слушались и раки меня ловили, привязывали к рачне и кормили борщом с ложки-большухи. Но я, как Мальчиш-Кибальчиш, сжимал крепко рот и весь борщ выливался мне на футболку. Тут же появлялась бабушка и громко ругалась на дворника. И когда тот, поскакал верхом на метле, держа в руках воздушный шарик, в мои уши ворвались позывные Маяка и спасли меня от ночного кошмара. Открыв широко глаза, я весь мокрый от пота, думал о том, что хорошо, что дворник во сне скакал на метле, а не пока-

зывал бабуле мой тайник в сарае. Тихонько, чтобы не скрипнули пружины, я сполз с кровати, натянул шорты и футболку, на цыпочках вышел на веранду, прокрался к выходу и спустился с лестницы во двор. Там, сломя голову, помчался в сарай и, открыв непослушными пальцами со сна тяжёлый замок, нашел свое сокровище в целости и сохранности. Привязав к рачне верёвку и закрыв дверь сарая, отправился вприпрыжку домой, на ходу вешая заветный ключик, хорошо, что в сарае нашел обрывок бельевой веревки, на шею. Так он никуда не денется и не потеряется. Когда вернулся, меня уже на кухне ждала бабушка, бидончик и рубль шестнадцать копеек на молоко.

– Что, опять? – встревожилась не на шутку бабуля.

– Опять, что? – не понял я.

– Опять живот болит? Всю ночь колобродился, вскрикивал. – бабушка ковырялась в аптечке.

– Живот? А... живот! – вспомнил я свою вчерашнюю хитрость. – Не, все хорошо. Просто сбегал, по-маленькому. А ночью просто сон дурацкий приснился.

– Точно? – бабуля потрогала мой лоб. – Голова не болит?

– Не-а, – макнул я булочку за три копейки в стакан со вчерашним чаем и запихал ее всю целиком в рот, наслаждаясь мокрой сладостью.

– Руки-то, руки! – увидев, как я заталкиваю в рот булку грязными пальцами, возмутилась она. – Вымой сейчас же. Вот поэтому в животе и крутит, что грязные руки в рот су-

ешь, бестолочь. Вымой и беги на базар, а то опять кашу без молока есть будем.

Я не просто бежал на базар за молоком, я мчался туда и обратно через мост Бэра, мечтая, как закину свою рачню с моста и наловлю целую кучу раков. Торопился так, что от предложенной кружки молока отхлебнул всего лишь один глоточек, проскочил мимо котят, заметив мельком, что их банки из-под консервов полны молока; кто-то прошёл раньше меня. Но меня от ловли раков отделял не только поход за молоком, но ещё и завтрак. А это не просто съел кашу и все. Нет! Это медленное вставание Наташки, ее потягушки и уберушки постели. Ее долгое умывание и расчёсывание, а ещё она долго думает, какого цвета ленты в косы свои вплести. Ей-то, что? Не она же тайком рачню делала, обманывая бабушку и наговаривая зря на дворника из-за туалета. А туалет, между прочим, всегда чистый и убранный, но бабуля этого не знает, потому что не ходит туда. Ей тяжело, она очень большая и у нее от этого болят ноги. У нее есть ведро, которое мы с Наташкой по очереди выносим. В этом доме туалетов нет вообще, бабушка говорит, что туалеты в квартирах не пре...пре...дусмотрены. Обо все этом я думаю, пока готовится завтрак, а у меня чешутся руки побыстрее проверить свою раколовку. От нетерпения я весь исчезался.

– Завтра поедем в баню, – заметила бабушка мои почесывания.

– Зачем? – опешил я. – Ты же меня вчера мыла.

– Значит, плохо я тебя помыла, раз чешешься. – она поставила передо мной тарелку с кашей и положила в серёдку кусочек сливочного масла. Если не торопиться, то можно увидеть солнце в тарелке. Но мне нужно было срочно съесть кашу и...

– Чего торопишься? Обожжёшься! – бабушкина ложка зависла на полпути ко рту. – За тобой что, волки гонятся?

– Опять что-то придумал, вот и торопится, – Наташка показала мне испачканный кашей язык. Глупая, если бы она знала, что я не «что-то придумал», а своими руками сделал рачню, она бы просто побежала во двор и стала хвастать перед Ромкой, какой у нее брат. Младше всех, зато умней всех. Но я молчу о своем секрете. А когда принесу домой полное ведёрко раков, тогда и посмотрим, кто кому покажет язык в каше.

Ура! Завтрак закончился! Пока бабуля с Наташкой моют посуду я, спотыкаясь, выскакиваю на веранду, а потом и на лестницу. Слышу за спиной: «К обеду домой!» Это бабушка сразу решила сколько мне гулять, но до обеда ещё так далеко, а сарай с моей рачней так близко. Очень сильно дрожат руки, когда я открываю замок и достаю спрятанную вчера рачню, хватаю грязное, дырявое ведёрко, очень быстро закрываю сарай на замок и даю деру через двор, чтобы ни бабуля, ни сестра меня не заметили. Выбегаю за ворота; рачня больше меня, в руках ведро. Я, спотыкаясь через раколовку, тороплюсь на мост Бэра, где меня ждёт её испытание.

Ну, очень хочется до обеда наловить целое ведро раков, а ещё хочется этим потом похвастаться во дворе, чтобы Ромка больше не щёлкал меня по носу и не обзывал меня голопузым салагой.

Хулиган и раки по пятьдесят

Вот я и на мосту. Ставлю ведро и кладу рачню рядом с

перилами. Подтягиваюсь, ухватившись за них пальцами, и смотрю вниз; там сверкает под утренним солнцем и неспеша течёт плавной волной наша канава. В воде снуют туда-сюда мелкие рыбёшки, а рядом с ними суется стайки мальков. С канавы спустили воду, опять будут чистить дно от мусора. Шумно выдохнув и оторвавшись от перил, я взял конец веревки и привязал к перилам, вчера, когда наблюдал за Ромкой, видел, как он это сделал в самом начале. От нетерпения у меня задрожали руки, и я с трудом перекинул рачню через перила, едва успев схватить верёвку. Вытерев пот со лба, стал потихонечку опускать ее с моста. Хорошо, что я к рачне привязал весь моток веревки, иначе она не достала бы до дна канавы. Мне бы раки не простили, если бы им пришлось в рачню не заползать, а запрыгивать. От этой мысли я весело рассмеялся и приготовился ждать, когда же раки начнут лакомиться старой, высушенной до белой, солёной корочки рыбой.

– Что, пацан, раков ловишь? – вдруг услышал я и от неожиданности вздрогнул. Обернувшись, я увидел самого настоящего хулигана с другой стороны канавы. Он стоял, облокотившись на перила, надвинув на глаза серую кепку. Старше меня намного, он, прищурив глаза от солнца, курил папиросу и поглядывал то на меня, то вниз на воду. Многие мальчишки с нашей стороны канавы хотели иметь такие же брюки, какие были на нём: узкие сверху и широкие внизу, футболку с воротничком в полосочку и кепку-восьмиклин-

ку. Я тоже попросил как-то бабулю сшить мне такие же брюки, но она сказала, что хорошие мальчики такие брюки не носят, а носят их только хулиганы и я понял, что такого сокровища мне не увидеть, пока не вырасту.

– Язык проглотил?

– Нет, – ответил я и почувствовал, что во рту у меня все пересохло, но язык я ему всё-таки показал, чтобы доказать, что он у меня никуда не делся.

– Давно стоишь? – он плюнул вниз и смотрел как его плёвок летит до воды.

– Не-а, – подтянулся я на перилах и тоже плюнул вниз густой слюной.

– Молодец, пацан. Смелый, – усмехнулся он. – Угостишь раками?

Я довольный его похвалой, гордость просто не уместилась в моем теле, радостно кивнул. Мало того, что сам сделал рачню и ловлю раков, так ещё и хулиган с другой стороны канавы меня похвалил за смелость, пусть теперь Ромка умоется со своим ножичком, когда я всем во дворе об этом расскажу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.